

ТУМАННОСТЬ АНДРОМЕДЫ

Венок сонетов

Осипу Мандельштаму посвящаю

1

Всю жизнь искал сиреневую даль,
Мечтал когда-то покорить
Варшаву,

Но покорил Великую державу
И наяву открыл себе Версаль.

Вернусь сюда потом, а вдруг?
Едва ль,
Что б поклониться родине —
Рассее,

Моя душа, созвучная Психее,
Воспрянула в пределах Эсмеральд.

Сегодня я, друзья, сильнее Льва,
Блажен достать из музыки слова,
Подснежником без снега
прорастаю.

Вот кто-то копошится там
в углу,

Клянёт меня и воспеваает мглу,
Чу! Крик в пустыне жёлтой —
замерзаю.

2

Чу! Крик в пустыне жёлтой —
замерзаю!

Мне холодно, морозами больна,
Медузой манит чёрная волна,
Когда над грешным миром зависаю.

Как огонёк полночный полыхаю,
Мой город — красота
со всех сторон,
И выплывают ростры из колонн,
Созвучные последнему трамваю.

Вот башня — для поэтов отчий дом,
И невская вода сокрыта льдом,
Живу, как все, и городу внимаю.

Когда-то здесь творил
писатель Грин,
Где грозных вод поёт ультрамарин,
Не плачу, не жалею, не терзаю.

3

Не плачу, не жалею, не терзаю,
Мы смерти ждём
от сказочных волков,
Но самый страшный век
из всех веков,
В котором я до срока угасаю.

Душа ютится в терниях больная,
Моя земля до боли мне мила,
Её любил, пока не скрыла мгла,
Из недр земных глаголы вырубая.

Явил стихи из музыки и тембра,
Как жаль, друзья,
что я, увы, не Рембрандт,
За мартом не последует февраль.

Вот чёрный волк,
мелькнул по наши души,
Но не боюсь ни холода, ни стужи,
В стихах живу, прозрачный,
как хрусталь.

4

В стихах живу, прозрачный,
как хрусталь,
Я не был ни Верленом, ни Вийоном,
И не был псом послушным
в мире оном,
Не собирал в полях чужих миндаль.

Мне в словаре явился нынче Даль,
Сказав, что все слова его не новы,
Приснился мне намедни
лист кленовый,
Чтобы сюда вернуться
нох айн маль.

Определён на ссылку город Чердынь,
Вождями, как начало круговерти,
Сиди, не пререкайся, не скандаль.

Меня уж нет, простите, Бога ради,
Я всё сказал
в Воронежской тетради —
Блажен поэт стихами
плавить сталь.

5

Блажен поэт стихами
плавить сталь.
Окинув горизонт
надменным взором,
Добычу предвкушая, черный ворон
Пророчит мне разлуку и печаль.

Сибирская открыта магистраль,
Не принесут печальные весталки
На берег тот ни розы, ни фиалки,
Ни то, что в жизни ценится, а жаль.

Слеза в очах застыла, как слюда,
Но вот душа, как прежде, молода,
Поёт под сенью грозного потока.

Здесь правит бал,
презрев каноны, тать,
И бесполезно к милости взывать,
Когда на плаху завела дорога.

6

Когда на плаху завела дорога,
Здесь Север дикий,
нет ни слуг, ни благ,
И утренней Звезды Архипелаг
Возвысился в пустыне злого рока.

Зима к инакомыслию жестока,
Здесь всё едино, прав ты иль не прав,
И лучшая из лучших переправ —
Всегда в пути Харонова пирога.

Здесь что-то шепчет Церберу Ауд,
И где-то Антигона крепко спит,
На миг остановившись у истока.

Сюда невинный гнали люд толпой,
Здесь пантеон
для ласточки слепой —
Транзитная печать Владивостока.

7

Транзитная печать Владивостока,
Я список кораблей прочёл на треть,
Его не удлинить и не стереть
И не укоротить его до срока.

Пусть мне не будет вечно одиноко,
Живу, люблю, пока со мной жена.
Когда жена не мной увлечена,
Пою страну берёзового сока.

Такая вот — доступна и закрыта,
Моя жена — воистину Киприда,
Лазурно — однокрая мораль.

Но лучше умереть в снегах от тифа,
Чем верить,
что спасёт кольчуга скифа,
Как дамы гуттаперчевой вуаль.

8

Как дамы гуттаперчевой вуаль,
Но если что, я возражать не смею,
Тому, кто воспевал в стихах Лигейю,
Мне всё одно — Годива ли, кума ль.

Мой новый дом —
отель Континенталь,
Моя Любовь последняя — Миньона,
Достойная сонета — медальона,
Но грёзы прочь,
сбивает с ног мистраль.

Блажен, из дальних странствий
возвратясь,
Слагать стихи в причудливую вязь,
Живу в стихах, и в радости и в горе.

Любовью не законченной согрет,
Не канет в Лету мой
предсмертный бред,
Уйду, оставив вам Моменто Мори.

9

Уйду, оставив вам Моменто Мори,
В миры, где нет ни боли, ни утрат
И каждый встречный —
друг тебе и брат,
Рассказчик фантастических
теорий.

Одна верна из тысячи историй,
Остались там цугундер и затвор,
Охранники, колючка и забор,
И лай собак в тюремном коридоре.

Но в прошлом всё,
ликует царство фей,
За Эвридикой следует Орфей,
С кифарой — пить лазоревые зори.

Кондуктор всемогущий
в царстве Ор
Откроет вам небесный семафор
В неведомый Психеи санаторий.

10

В неведомый Психеи санаторий,
Здесь благодать в печали и уют,
И величавый Пан найдёт приют,
И путники избавлены от хвори.

Копьём пугает змей святой Егорий,
Античный мир героев — Колизей,
Воистину неведомый музей,
Открытый в галерее аллегорий.

В полях тюльпанов затерялся
Кафка,
Здесь благодатью
зеленеет травка,
Причала Харонова ладья.

Здесь можно встретить
Тютчева и Мея,
Здесь каждый обретёт
покой Морфея
Под пологом весеннего дождя.

11

Под пологом весеннего дождя,
Назло судьбе ловлю себя на слове,
Перед людьми и Богом невиновен,
Воистину я сам себе судья.

Здесь тишина,
как выстрел из ружья,
В краях, где нет ни праздников,
ни буден,
Здесь гений обречённый неподсуден
И не придут к заутрене друзья.

Причудился Столыпинский вагон,
Обласканному взорами Горгон,
Здесь мой причал,
где петь чужие песни.

Желанная свобода в жизни сей,
За Андромедой следует Персей,
Воистину, я сам себе предвестник.

12

Воистину, я сам себе предвестник,
Парил орлом, пока не грянул гром
На небосводе бледно-голубом,
Когда исчез в пучине буревестник.

Друзья, я века грозного ровесник,
Но жизнь моя замёрзла на кривой,
Вокруг зима, мороз да волчий вой,
Покуда правит бал
больной наместник.

Вот истина, в которой жив поэт,
Когда во тьме рождает яркий свет
Девятая ступень

Небесных лестниц.

Позвольте достоверно заявить,
Уставшему у волка волком выть —
Меня сведут не холод и болезни.

13

Меня сведут не холод и болезни,
Душа болит от хвори ледяной,
Когда идёт под вечною Луной
Колодников отряд из Красной

Пресни.

Не ангел, не факир и не кудесник,
И мне не повернуть дорогу вспять,
И каждую землицы нашей пядь
Не исключить из памяти,
хоть тресни.

Вечор слышал от Дафниса и Хлои —
Раскачивал державные устои,
И навсегда закрыт за стражей я.

Багровый паровоз считает шпалы,
Меня сметёт
не ветер шестипалый,
А тихий глас надменного вождя.

14

А тихий глас надменного вождя,
Помилуй Бог трактаты
от предтечи,
Пора ли нам добраться до картечи,
Теперь меня рассудит Судия.

Взвалил на плечи думы ваши я,
Сильнее пуль, друзья, поэта слово,
Оно верно, как яркая обнова,
Сошедшая в холодные края.

Власть полоснула бритвой
брадобрея,
Укоротив мятежного Матфея,
За то, что пел лазурную эмаль.

Не буду воду пить из речки Леты,
Чтобы узреть Туманность
Андромеды,
Всю жизнь искал сиреневую даль!

МАГИСТРАЛ

Всю жизнь искал сиреневую даль!
Чу! Крик в пустыне жёлтой —
замерзаю,
Не плачу, не жалею, не терзаю,
В стихах живу, прозрачный,
как хрусталь.

Блажен поэт стихами
плавить сталь,
Когда на плаху завела дорога,
Транзитная печать Владивостока,
Как дамы гуттаперчевой вуаль.

Уйду, оставив вам Моменто Мори,
В неведомый Психеи санаторий
Под пологом весеннего дождя.

Воистину, я сам себе предвестник,
Меня сведут не холод и болезни,
А тихий глас надменного вождя.

ПОД ПОЛОГОМ СТАРОГО ЛЕСА

Венок сонетов

Борису Корнилову — посвящая

1

Глаголом воспевал леса весной,
Вернулся под покров родного края,
Здесь Отчий дом и далеко до Рая,
Здесь всё знакомо —
 здравствуй, рай лесной.

Отведав мёда Мишки под сосной
Домой вернулся —
 скажут людям — гений,
И приготовит мамочка пельмени,
Здесь всё, как встарь,
 не пахнет новизной.

Прочти, Платон,
 из Блока что-нибудь,
Поэт, друзья,
 достойный выбрал путь,
Сошёл с Небес и не нужны кумиры.

Мерещится чекиста злобный глаз,
Я мог бы приезжать сюда на Спас
Под покровами Северной Пальмиры.

2

Под покровами Северной Пальмиры
Не уживутся вместе клён с ольхой,
Мы догоняли вместе век лихой
И покоряли высь во славу Леры.

Теперь печаль ушла на сувениры,
Поэтом стал семи морей герой,
Но первая любовь сильнее второй
И путь открыт от Волхова до Выры.

Развеют грусть привольные края,
Где в те года стремился к вербе я,
Поэт без Муз,
 как Пушкин без Земфиры.

Назло судьбе коснусь желанных уст
И скажет о поэте Златоуст —
Мои стихи — топазы и сапфиры.

3

Мои стихи — топазы и сапфиры,
Сошли гурьбой,
 как с яблонь белых дым,
Сокрытые за веком золотым,
Слова струятся ядрами мортiry.

Блажен висеть на острие рапиры,
Здесь тишина лелеет древний скит,
И, кажется, природа крепко спит,
Как в сказках чародеи и факиры.

Поэты вам расскажут, им виднее,
О том, как лес весенний зеленеет
Назло столицам в зыбке золотой.

Здесь благодать,
 есть где гнездиться птицам,
Да здравствует сосновая столица,
Где клён шумит за окнами резной.

4

Где клён шумит за окнами резной,
Благоухают липы и сирени,
Где благодатью дышат
 смерд и гений,
И звёзды проплывают чередой.

Беглец вернулся,
 дом встречай родной,
Да здравствует
 желанная прохлада —
Жива назло дождям и снегопадам,
Где травополье выросло стеной.

Увенчанный красой ещё с пелёнок,
Блажен за щукой следовать щурёнок,
И снег зимой до рези голубой.

Забытые кресты округ берёзок,
Нежданным гостем, сапоги да посох,
Вернусь сюда в дожди, мороз и зной.

5

Вернусь сюда в дожди,
мороз иль зной,
Где сосняками славятся урманы,
И старый коршун улетел в туманы,
И от природы дивной сам не свой.

Вот рыжая лошадка, бег рысцой,
Когда-то с ней ходил поэт в ночное,
Рубил дрова во время то шальное,
И был сполна облаканный судьбой.

Воистину здесь кондовая глушь,
Живут, как раньше, ложкари,
кто джуж,
Весной река вселяется в торосы.

Скрипит старообрядческая Русь,
И я оберегать её берусь,
Где плачут соком белые берёзы.

6

Где плачут соком белые берёзы
И манит вдаль берёзовая даль,
Домой вернулся из похода Наль,
Иду, как встарь, по травам,
ноги босы.

Восторг застыл
в моих глазах раскосых,
От дивного до боли Керженца,
В лугах цветочек радует пыльца
И собирают мёд медведям осы.

Здесь всё родное — речка и ручей
И бородатых песни кержачей,
Богатые на травы сенокосы.

Здесь благодати
девственный покой,
И тени лип среди ольховых пойм,
Когда на них засеребрятся росы.

7

Когда на них засеребрятся росы,
Расскажет мне зелёная трава
О том, что не допели дерева
И в дебрях недоступные покосы.

Ответов нет, кругом одни вопросы,
Здесь полыхает золото осин,
И с голубых небес спустилась синь,
На древние часовни и погосты.

Глазам явил, как в сказке,
лес зелёный,
Иду к тебе, коленопреклонённый,
Где сосны удивляют вышиной.

Спешил поэт войти во время оно,
И Китеж встретил
звонким перезвоном,
От глаз людских сокрытый пеленой.

8

От глаз людских сокрытый пеленой,
Из райских кущ
бегу путём окольным,
Охвачен перезвоном колокольным,
Как властелин,
восставший над Невой.

Мне соловьи поют наперебой
О соловьях и о соловьятах,
Здесь ароматом роз
пропахла мята,
Иду за ней Батыевой тропой.

За горизонтом сосны встали в ряд,
Виват!
Подводный город Китеж-град,
Пронёс свой крест достойно
и недаром.

В скиту молился старец Феофан,
Когда взметнулся гейзером фонтан
На берегах, укутанных муаром.

9

На берегах, укутанных муаром,
Блажен сойти живой берёзы сок,
И мать в дорогу клала туесок,
Отцу, который ехал за товаром.

Увижу баньку, здравствуй,
с лёгким паром,
Кого-то здесь порадует глагол,
Ведь я по жизни плывал против волн,
Но красным опорочен
был кошмаром.

Здесь вечность, обращённая в слова,
Плетёные из лыка короба
В моих глазах оставит печки жаром.

Замшелый скит, ворота на засов,
Когда-то в нём молился царь лесов,
Где город Китеж
спрятан Светлоярм.

10

Где город Китеж спрятан
Светлоярм,
У трёх дорог хранит,
незыблем, крест
Тревожный запах ладана окрест,
Чумным не опрокинутый пожаром.

Всё о былом поговорим, о старом,
Вернусь сюда на день или на миг,
Где Пушкина стихи читал калмык
И с кралей обнимался за амбаром.

Как гейзер тот,
глаголами взрываюсь
И падаю и снова поднимаюсь,
Коль всё, что было сделано, не зря.

Как раньше,
мама скажет между строчек —
Домой вернулся аленький цветочек,
Встречайте озорного ложкаря.

11

Встречайте озорного ложкаря,
Меня лошадка встретит
полукровка,
И улица уездная — Покровка,
Когда сойдёт лиловая заря.

Не собираясь покорять моря,
Здесь время затаилось по усадям,
И красоту резного палисада
Отыщем на страницах словаря.

Здесь трубы
хлебным запахом дымят,
Душа в пыли и я судьбой помят,
Не ставлю точку, ставлю запятую.

Явившись в запредельные края,
Блажен воскреснуть
в трелях соловья,
Не плачу, не жалею, не бунтую.

12

Не плачу, не жалею, не бунтую,
Я жизнь продлил
до старости стихом
И, добежав до речки босиком,
Восполню этим
молодость шальную.

Сегодня я не склонен к сабантую,
Молюсь богам у праведных икон,
Поэт давно взошёл на Геликон,
Где с Музами общался напрямую.

Себя дурными мыслями не рань,
Коль расцвела за окнами герань,
Пою, как прежде, осень золотую.

*В Небесные доспехи облачён,
Из прошлой жизни пулей исключён —
Меня распяли, как и Русь святую.*

13

*Меня распяли, как и Русь святую,
Не описать пером, лишь пот со лба,
Наличников узорная резьба
Безмолвная утешит мать седую.*

*Свернул весёлый всадник на Сенную,
Ловил любви дивные черты,
Пока не оказался у черты,
Когда лечил стихом страну больную.*

*Покой лишь снится вечному покою,
Не побуждал глаголами к разбою
Попутчиков лихого Октября.*

*Я разобью о скит свою двухрядку
За то, что уважали разнарядку
Опричники безумного царя.*

14

*Опричники безумного царя
Меня пытали до седьмого пота,
Такая вот багровая свобода
В последнее число календаря.*

*Был в руку сон, но, честно говоря,
Мне книги не дарила из сафьяна
Подруга комсомольская Татьяна —
Не нам стоять под сенью алтаря.*

*Прорвав кордон Небесных херувимов,
Стихами жив! Всё остальное мимо,
Домой вернулся в город волостной.*

*Не я сказал, что рвётся там,
где тонко,
Зато, стихи оставив для потомков,
Глаголами воспел леса весной.*

МАГИСТРАЛ

*Глаголами воспел леса весной,
Под покровами Северной Пальмиры,
Мои стихи — топазы и сапфиры,
Где клён шумит за окнами резной.*

*Вернусь сюда в дожди, мороз иль зной,
Где плачут соком белые берёзы,
Когда на них засереблятся росы,
От глаз людских сокрытый пленой.*

*На берегах, укутанных муаром,
Где город Китеж спрятан Светлояром,
Встречайте озорного ложкаря.*

*Не плачу, не жалею, не бунтую,
Меня распяли, как и Русь святую,
Опричники безумного царя.*

19.09.16–25.09.16